

A woman with long brown hair, wearing a white, short-sleeved, off-the-shoulder dress, stands in a dark barn at night. Her lower body is replaced by a large, brown, feathered chicken body with two large, orange, scaly feet. She has a shocked expression, with wide eyes and an open mouth, and her arms are outstretched. In the background, two other women in dark clothing look on with concern. A large, full moon hangs in the dark sky. Several chickens are visible, including one perched on a wooden fence. The ground is covered with feathers and some autumn leaves.

Натали Бурма

**Куриная судьба
для орлиной
особы**

Натали Бурма

**Куриная судьба
для орлиной особы**

«Автор»

2025

Бурма Н.

Куриная судьба для орлиной особы / Н. Бурма — «Автор», 2025

Элеонора Львова, наследница олигархов и блестящая снобка, мечтает об одном — стать оборотнем-орлицей, чтобы парить над «серой массой». Её шанс приходит на студенческой «картошке» в глухой деревне. Но магия иронична: вместо орлицы Элеонора превращается в тощую, облезлую курицу. Чтобы снять проклятие, ей предстоит не искать колдунов, а пройти путь унижительных испытаний: чинить заборы, искать коз и... устроить праздник для тех, на кого она всегда смотрела свысока. Остроумная и мудрая история о том, что важные превращения происходят не под луной, а внутри нас. И что настоящее счастье — не в парении в одиночестве, а в том, чтобы быть частью стаи.

© Бурма Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Натали Бурма

Куриная судьба для орлиной особы

ПРОЛОГ

Сияющий шпиль Москва-Сити тонул в ночной дымке где-то там, внизу, прямо под балконами ее апартаментов. Элеонора Львова, прижимая к груди шелковый халат, стояла у панорамного окна, чувствуя себя капитаном на мостике звездолета. Город лежал у ее ног – миллиарды огней, бесконечные потоки фар, крошечные, как муравьи, люди. Она смотрела на все это свысока. Это было ее законное право. Позиция по умолчанию.

Ее взгляд скользнул по отражению в темном стекле: идеальные черты, собранные в тугий пучок светлые волосы, высоко поднятый подбородок. Образ безупречный, холодный, отточенный, как клинок. Внутренний монолог тек плавно и привычно, как мантра: «Серая масса. Фоновый шум. Они копошатся в своих метро, офисах, дешевых кафе, строят свои ничтожные планы на размеренную, убогую жизнь. Потенциальные неудачники. Все они».

Пальцы сами потянулись к лежащему на подоконнике смартфону. Дорогая игрушка мгновенно отозвалась, открыв приложение с золотым знаком зодиака на фоне бархатного космоса. «Сегодняшний прогноз для Стрельцов: день для масштабных решений. Ваша стихия – Огонь и Воздух. Не давайте земным заботам тянуть вас вниз. Помните о своем высоком предназначении».

«Высокое предназначение», – мысленно повторила Элеонора, и ее губы тронула едва заметная, высокомерная улыбка. Она отлично знала свое предназначение. Ей было девятнадцать, она училась на престижном факультете мировой экономики в университете, куда невозможно было попасть без блата или сумасшедшего конкурса. У нее были родители, чье благосостояние измерялось не в машинах или квартирах, а в целых секторах экономики. Папа «реструктурировал активы», мама возглавляла благотворительный фонд и коллекционировала современное искусство. Любую проблему дочери – от тройки по физкультуре до ссоры с однокурсницей – они решали одним звонком. Мир был отлаженным механизмом, где у Элеоноры была роль золотой шестеренки, которой все обязаны были крутиться вокруг.

Ее мечта родилась из этого всепоглощающего чувства превосходства. Она увлекалась эзотерикой не из-за веры, а из-за эстетики и ощущения избранности. Общие гороскопы были для толпы. У нее был личный астролог. Но однажды, блуждая по темным форумам в поисках чего-то действительно уникального, она наткнулась на сообщество «ликантропов» – людей, верящих в возможность превращения в животных. Волки, лисы, медведи, рыси... Все это казалось ей ужасно приземленным, грубым. Волк бежит по грязи, лиса роется в курятнике. Нет, не ее уровень.

Пока она не прочла про орла. Царь птиц. Хищник, парящий на недостижимой высоте. Его взгляд видит на километры. Его когти не знают пощады. Его стихия – небо, а не земля. Идеальная метафора. Элеонора загорелась. Она хотела быть не просто лучше. Она хотела стать существом физически выше всех. Обернуться орлицей, раскинуть могучие крылья, взмыть над толпой, над своими однокурсниками, над всей этой скучной, плоской реальностью и смотреть

на нее свысока. Поплевывать, если захочется. Мечта была настолько яркой, что почти казалась реальной.

На стене за ее спиной висел большой постер – фотография беркута в полете, сделанная где-то в горах. Профиль аватарки в телефоне – тот же силуэт на фоне солнца. На книжной полке, среди учебников по макроэкономике, пристроились трактаты по симорону, картам Таро и «Энергетическим практикам древних шаманов». Все работало на одну цель.

Раздражающий звук смс разрезал торжественную тишину. Элеонора нахмурилась. Сообщение от старосты, какого-то зануды Андрея: «Всем добрый вечер! Напоминаю: завтра строго в 6:00 сбор у главного корпуса у автобусов. Едем на уборочную практику в колхоз «Рассвет» на семь дней. С собой – рабочая одежда, средства гигиены, хорошее настроение. Без опозданий!»

В глазах Элеоноры вспыхнули настоящие молнии. «На картошку?! – мысленно взревела она. – МЕНЯ?!» Это была неслыханная наглость, издевательство, оскорбление всех ее прав. Она тут же набрала отца.

«Пап, ты в курсе этого маразма? Меня, твою дочь, хотят отправить в какую-то деревню копать картошку! Это абсурд! Ты должен позвонить ректору, декану, кому угодно!»

На том конце провода послышался спокойный, усталый голос: «Эля, я в курсе. И ты поедешь».

«ЧТО?!»

«Поедешь, дочка. Опыт. Жизнь разная. Нельзя все время смотреть на мир с двадцать пятого этажа. Иногда полезно спуститься вниз. К земле».

«Но папа!..»

«Решение окончательное. Пакуй чемодан. И, Элеонора... постарайся не выпендриваться там слишком сильно».

Связь прервалась. Элеонора стояла, держа в дрожащей руке телефон, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Ее вселенная, такой прочной казавшаяся, дала первую трещину. Гнев, обида и бессилие бурлили в ней. Нет, так она не сдастся. Если уж этот варварский мир заставляет ее «спускаться к земле», она найдет способ взмыть над ним. Над всеми.

В отместку, почти в истерике, она решила провести ритуал. Не тот, что запланирован на полнолуние, а малый – ритуал утверждения воли. Зажгла черную свечу, которую купила в эзотерическом магазине у метро «Маяковская», насыпала круг из морской соли на полированный паркет. Шепча заклинание, найденное на сомнительном сайте, она обращалась к духу Луны: «Даруй мне силу! В грядущее полнолуние дай мне крылья орлицы! Я рождена для неба, а не для грязи! Я буду парить над ними всеми!»

В пылу экзальтации она резким движением схватила хрустальный шар – «накопитель энергии» – и хотела поднять его к невидимой луне. Но в сердце клокотала такая ярость, такой протест против унижительной «картошки», что рука дрогнула. Дорогая безделушка выскольз-

нула из влажных от волнения пальцев, звонко стукнулась об пол и покатила, подпрыгивая, к балконной двери.

«Черт!» – выругалась Элеонора, бросившись вслед. Шар, описав дугу, закатился под тяжелую шелковую портьеру. Она откинула ткань. Шара не было. Видимо, он отскочил дальше, в темный угол между шкафом и стеной. Она потянулась рукой в узкое пространство. Пальцы скользнули по идеально чистому, натертому до блеска полу – клининг-служба работала безупречно. Ни пылинки. Но шара там тоже не оказалось. Он словно испарился, растворился, как ее иллюзия контроля над ситуацией. Осталось лишь чувство глупой, детской беспомощности и еще большее раздражение.

Час спустя Элеонора с ненавистью запихивала в дорогой чемодан на литых колесиках дизайнерские джинсы (белые), шелковую блузку (белую) и замшевые ботинки (светло-бежевые). Рабочая одежда? Пусть попробуют заставить. Она снова подошла к окну. Ночь была ясной, луна – худым серпом, но он обещал через неделю стать полным.

«Скоро, – прошептала она стеклу, за которым лежал опостылевший теперь город. – Скоро я буду парить над всем этим. Над вашими офисами, машинами, институтами... И над вашей дурацкой картошкой тоже. Вы все будете смотреть на меня снизу вверх. Все».

Скрип тормозов, приглушенные голоса, запах солярки.

Вид из запотевшего окна автобуса больше не был панорамным. Он упирался в унылый, промозглый осенний пейзаж: мокрые поля, чахлые перелески, хляби разбитой грунтовки. И вот он – указатель, криво прибитый к столбу: «Колхоз «Рассвет» – 5 км». Стрелка смотрела в сторону, откуда, казалось, пахло навозом, дымом и безнадеей.

Первый акт ее великой драмы, похоже, начинался с фарса.

ГЛАВА 1

Автобус, натужно урча, развернулся на площади, вытолкнув кучу студентов прямо на территорию, которая, как казалось Элеоноре, была создана специально для испытания ее нервов. Под ногами – не асфальт, а утрамбованная многими поколениями сапог и шин глина, смешанная с лужами мутной воды. Воздух пах не выхлопами, а чем-то куда более древним и фундаментальным: дымом из печных труб, влажной землей, прелым сеном и легкой, но неуклонной нотой навоза. Она инстинктивно поднесла к носу шарф, но запах, казалось, проникал сквозь шерсть прямо в мозг.

Площадь у полуразрушенного здания с облупившейся вывеской «Дворец Культуры» была заполнена немой сценой из театра абсурда. С одной стороны – стайка городских птенцов в ярких куртках и модных кроссовках, неуверенно жавшихся друг к другу. С другой – полукруг местных жителей: бабки в платках и ватных куртках, мужики в заляпанных грязью спецовках, несколько подростков, с интересом разглядывавших девушек. Взгляды этих людей были не враждебными, но и не дружелюбными. Это был взгляд опытных механиков на новую, сложную и, вероятно, капризную технику.

«Колхоз «Рассвет» приветствует будущую интеллигенцию! – прохрипел мегафон, из которого доносился голос, будто пропущенный через мясорубку вместе с ржавым гвоздем. – Урожай нынче отменный, а рук, как водится, не хватает! Работать будем дружно, весело, с комсомольским задором!»

У микрофона стоял коренастый мужчина с лицом из старого дубового корневища – председатель, дядя Миша. Улыбка его была широкой и искренней, но из-за отсутствия переднего зуба приобретала какой-то пиратский, зловещий оттенок.

«Слушаем распорядок! Бригада первая: Кузнецов, Петров, Сидоров – к тете Глаше на Полевую, дом четыре! Бригада вторая: Иванова, Смирнова, Воробьева – к бабе Кате на Зеленую, шесть! Львова, Марьина, Котовская – к бабе Вере на Центральную, дом один! Распределились! Живите дружно, хозяйкам помогайте, они у нас золотые, но порядок любят! Кто на хозяйстве подсобит – тому и уха в супе погуще будет!»

Дом номер один на Центральной улице (которая на деле была широкой грунтовой дорогой с парой десятков таких же домов) оказался не покосившейся избой, а аккуратным, крепким бревенчатым пятистенком. Наличники на окнах были вырезаны в виде причудливых петухов и цветов и выкрашены в жизнеутверждающий голубой цвет. Но двор... Двор был царством контролируемого хаоса. Росли какие-то пожухлые гигантские цветы (позже она узнает, что это георгины), лежали аккуратные поленницы, из-под забора выглядывала буйная зелень какой-то ботвы. И повсюду, как пестрые, самодовольные чиновники, расхаживали куры. Они копошились в земле, сидели на заборе, переговаривались тихим, деловым квохтаньем.

Дверь скрипнула и распахнулась. На крыльцо вышла хозяйка. Бабушка Вера. Элеонора, настроившаяся на образ доброй, сгорбленной старушки в платочке, испытала легкий шок. Перед ней стояла женщина, прямая и сухая, как щепка, лет семидесяти. Седая коса была убрана в тугой пучок, лицо – в морщинах, но не дряблое, а будто вырезанное из старого дерева. На ней был клетчатый фартук поверх теплой кофты и – что больше всего поразило Элеонору – абсолютно новые, ярко-зеленые резиновые сапоги с отворотами. Ее маленькие, светлые глаза

обвели прибывших мгновенным, оценивающим взглядом, в котором не было ни радушия, ни неприязни. Был расчет.

«Ну, заходите, раз уж направили, – сказала она голосом, не терпящим возражений. – Только ноги хорошенько оботрите. У меня тут не проходной двор».

В сенях пахло древесиной, сушеными яблоками, печеным хлебом и едва уловимым, но устойчивым запахом живности. В самой горнице было удивительно уютно, чисто и очень тепло от массивной русской печи. На столе, покрытом вышитой скатертью, уже поблескивал медным боком пузатый самовар.

«Я Маша, – первая шагнула вперед румяная девушка с открытым лицом и добрыми, смеющимися глазами. – А это Катя».

Катя, стройная блондинка в очках с тонкой металлической оправой, молча кивнула. Ее взгляд скользил по стенам, уставленным фотографиями, полкам с посудой, как будто она мысленно составляла каталог экспонатов.

«Элеонора», – отчеканила Элеонора, не протягивая руки и не снимая перчаток. Ее взгляд упал на пол возле печи. Там, свернувшись в рыжий пушистый клубок, спал огромный кот. А на спинке венского стула, рядом с котом, восседала та самая, уже виденная во дворе, тощая, пестрая курица. Она смотрела на новоприбывших одним, круглым, не моргающим глазом, склонив голову набок.

«А это Цыпа, – сказала бабушка Вера, следуя за ее взглядом. – Безобразница. Умная, как черт. Весь двор у нее как на ладони. Кота моего Ваську не боится. Прямо крыса пернатая».

Цыпа, словно понимая, что о ней говорят, издала негромкое, скрипучее «ко-ко», спрыгнула со стула и важно, переваливаясь, проследовала на кухню, как директор, идущий на важное совещание. Элеонора с трудом подавила гримасу отвращения.

Их разместили в светлой горнице: три раскладушки, застеленные грубоватым, но безукоризненно чистым бельем, поверх которого лежали овечьи тулупчики. Элеонора со вздохом поставила свой чемодан у кровати подальше от двери – там, где было прохладнее и не пахло печкой. Она уже чувствовала себя политическим ссыльным, прибывшим в глухую сибирскую деревню.

Вечером за ужином – а ужин состоял из дымящейся картошки «в мундире», хрустящих соленых огурцов из дубовой кадушки и сметаны такой густоты, что в ней стояла ложка, – началось медленное и мучительное для Элеоноры взаимопроникновение миров. Маша моментально нашла общий язык с бабушкой Верой. Быстро поужинав, она села помогать ей чистить картошку для завтрашнего супа и расспрашивать про огород. Катя, достав блокнот с надписью «Полевые заметки», делала записи, изредка задавая точные вопросы о местных обычаях и хозяйственном цикле.

Элеонора сидела, отодвигая картошку вилкой по тарелке, демонстрируя полное отсутствие аппетита к этой простонародной еде. Парадоксально, но еда была пугающе вкусной. Картофель – сладковатый, рассыпчатый, с легким дымком. Это раздражало еще больше.

«Завтра на поле в семь, – объявила бабушка Вера, собирая тарелки. – Лопаты у сарая, ведра там же. Одежду попроще наденьте, а то жалко будет. У нас тут не подиум».

На следующее утро Элеонора вышла во двор, одетая в свой последний акт тихого протеста – белоснежный утепленный комбинезон от модного бренда и с безупречным маникюром «коралловый градиент», сделанным накануне отъезда, назло всему миру. Бабушка Вера, завидев это зрелище, лишь прищурила один глаз, словно увидела что-то очень смешное, и сунула ей в руки тяжелую деревянную лопату с облупившейся краской на черенке. «На, попробуй. Только не сломай. Дорогая она, память от деда осталась».

Поле представляло собой бескрайнее, унылое пространство цвета грязного шоколада, усеянное поникшими, почерневшими кустами картофельной ботвы. Ночной дождь превратил землю в липкую, вязкую, чавкающую массу. Студенты, разбившись на группы, с разной степенью энтузиазма начали вгрызаться в эту массу. Впереди шел трактор с плугом, который с грохотом выворачивал на свет божий целые гнезда мокрых, землистых картофелин. За ним шли женщины из колхоза и собирали урожай в ведра с пугающей, почти механической скоростью, не обращая внимания на грязь и холод.

Элеонора выбрала грядку подальше от всех, на самом краю поля, в тщетной надежде на уединение. Она ткнула лопатой в землю. Лопата вошла на полштыка и застряла с противным хлюпающим звуком. Она надавила ногой, обутой в замшевый ботинок. Лопата дрогнула, согнулась дугой и вырвала жалкий ком грязи. Ни одной картофелины. Рядом Маша уже наполовину заполнила ведро, ловко орудуя точно такой же лопатой.

«Эль, ты так до вечера одну лунку делать будешь! – крикнула она, смеясь. – Надо резче! И под самый корень ботвы бей!»

Элеонора, стиснув зубы, взмахнула лопатой и ударила с силой. На этот раз железо со звонким «дзынь» ударило обо что-то твердое и отскочило. Из земли показалась огромная, уродливая, вся в наростах картофелина, похожая на карикатурного монстра. Триумф! Она потянулась, чтобы поднять ее. И в этот самый момент из-под картофелины выполз толстый, влажный, розовый дождевой червь и, извиваясь, плюхнулся прямо на ее светлый замшевый ботинок.

Визг, который издала Элеонора, заставил на миг смолкнуть даже трактор. Она отпрыгнула назад, как ошпаренная, дико трясая ногой, словно на ней запылала огнеметом. Червяк бесстрастно упал в грязь.

«Это что, местная фауна так развлекается?» – прошипела она, бледнея от отвращения, а не от страха.

Смех, который прокатился по полю, был добродушным, но от этого не менее унижительным. Даже дядя Миша, выглянув из кабины трактора, оскалил свою беззубую улыбку.

День тянулся мучительно долго, разбиваясь на бесконечные циклы: удар лопатой, чавкающий звук, горсть грязи, одна-две картофелины. К полудню ее белый комбинезон представлял собой живописное полотно в стиле абстрактного экспрессионизма, где преобладали оттенки коричневого и черного. Ногти были безвозвратно испорчены, под ними забились земля, которую, казалось, невозможно было вычистить. А в душе медленно кипела ярость – бессильная,

глупая, направленная на все: на дождь, на землю, на червей, на смеющихся однокурсников, на родителей, на этот дурацкий колхоз.

Она наблюдала, как парни из ее группы азартно соревнуются, кто быстрее наполнит ведро, как деревенские женщины работают, не разгибаясь, перебрасываясь при этом шутками на непонятном диалекте, и чувствовала себя инопланетянкой, выброшенной на эту примитивную, грязную, шумную планету, законы которой она отказывалась принимать.

Вечером, вернувшись в дом, она первым делом содрала с себя испачканную, тяжелую от влаги одежду и швырнула ее в общую корзину для стирки, стоявшую в темных сенях.

Маша, уже растопившая печь и помогавшая бабушке Вере лепить громадные вареники с картошкой, посмотрела на это и покачала головой: «Эль, аристократка... тебе хоть бы замочить их отдельно, а то земля вьется намертво. И белизну твою всю перепачкают».

«Выбросить проще», – отрезала Элеонора, направляясь к тазу с ледяной водой, чтобы отмыть хоть руки.

«Да уж, – фыркнула Маша, но беззлобно. – Царям-орлам, видать, стирать за себя негоже. Им бы только парить да на всех свысока поглядывать».

Фраза, сказанная словно невзначай, попала точнее снайперской пули. Элеонора застыла, ощутив, как по спине пробежал холодный, колючий мурашек. Она медленно обернулась и встретилась взглядом с Машей. Та смотрела на нее не со злостью, а с каким-то сожалением и веселой, понимающей насмешкой одновременно.

«Вы еще узнаете, кто я, – тихо, но так отчетливо, что слова повисли в теплом, пахнущем тестом воздухе, сказала Элеонора. И в ее голосе впервые зазвучала не просто привычная спесь, а нечто похожее на обреченную, фанатичную решимость. – Скоро. Очень скоро».

Она не увидела, как бабушка Вера, помешивая в чугунке сметанный соус, перевела свой острый, птичий взгляд с нее на Цыпу, которая в этот момент деловито клевала крошки у порога. И как-то очень странно, по-старушечьи мудро и устало, вздохнула.

Наступил день, когда бабушке Вере нужно было ехать в райцентр – получить пенсию, купить лекарства и «кое-чего по мелочи». Она уезжала на попутном «бусике» рано утром, когда еще темнота лишь начинала отступать.

«Хозяйничайте, девоньки, – сказала она, застегивая старенькое, но добротное пальто. – Обед в печи, томится. Картошку на ужин почистить не забудьте. А ты, – она ткнула пальцем в сторону Элеоноры, которая сидела за столом, уткнувшись в книгу «Лунные ритмы и трансформация энергии» и демонстративно игнорируя общие сборы, – коль голова-то болит, отлежись. Насильно мил не будешь. Только смотри... – ее взгляд скользнул по стенам, по печи, по спящему коту, – ...без дела не маячь. Дом – он чувствует, когда в нем лентяй живет. Тоской наполняется».

Элеонора лишь кивнула, не отрываясь от книги. Голова у нее и правда гудела – но не от мифической болезни, а от клокочущей внутри злости, от бессилия, от вьевшегося в кожу

ненавистного запаха сырой земли. Но главное – до полнолуния оставались считанные дни. Она чувствовала, как внутри все сжимается в тугой, лихорадочный узел нетерпения и ожидания. Ее личное спасение было так близко.

Как только дверь за бабушкой Верой закрылась и звук мотора «бусика» окончательно растворился в утренней тишине, а Катя и Маша ушли следом. Элеонора вскочила. Тишина в доме была особенной – густой, почти осязаемой, деревенской. Ее нарушало лишь потрескивание дров в печи, да мерное тиканье старинных ходиков с кукушкой, которую, впрочем, уже лет двадцать не заводили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.